

Т. Г. Иванова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЕСНЯХ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

Резюме

Анализируется историческое пространство народных песен о Степане Разине (XVII в.), выраженное топонимами. Исследование свидетельствует, что пространство дано в преломлении к биографии казачьего атамана: Дон; Яик, Каспийское море; Волга. Те локусы, где восставшие действовали без Степана Разина (Саранск, Пенза, Наровчат, Нижний Ломов, Макарьевский Желтоводский монастырь и др.), в историко-песенном фольклоре места не нашли. Однако и в связи с биографией Разина называются отнюдь не все важные в его жизни локусы: не упоминаются ни его родная станица Зимовейская, ни Кагальницкий городок, который он сделал своей зимней ставкой на Дону, ни Симбирск, под которым потерпел поражение от правительственных войск. Топонимы, запечатленные в песнях, позволяют сделать вывод о том, что фольклорная традиция находилась в постоянном развитии и реагировала на изменения в системе географических имен (Черкасск → Старочеркасск; река Яик → река Урал; Верхне-Яицкий городок → Уральск; Нижне-Яицкий городок → Гурьев), что свидетельствует о напряженности исторического сознания внутри устно-поэтической традиции. С другой стороны, в построении исторического пространства разинских песен большую роль играет вектор собственно фольклорной традиции. Песни о Степане Разине не только наследуют фольклорные формулы, родившиеся задолго до XVII в. (*тихий Дон, батюшка Дон Иванович, славный Черкасск, Яик Горыныч* и пр.), но и прочно связывают биографию «воровского» атамана с Азовом и Азовским морем, которые занимали важное место в сознании казаков. Очевидны также связи разинского фольклора с поэзией о покорителе Сибири Ермаке Тимофеевиче.

Ключевые слова: исторические песни, Степан Разин, топонимика, Дон, Яик, Каспийское море, Волга

HISTORICAL SPACE IN THE SONGS ABOUT STEPAN RAZIN

Abstract

The article analyzes the representation of historical space by toponyms mentioned in seventeenth-century folk songs about Stepan Razin (the Don, the Yaik, the Caspian Sea, the Volga). The study shows that these toponyms are related to Stepan Razin's activities, while the places where the rebels acted without Razin (Saransk, Penza, Narovchat, Nizhny Lomov, the Makaryevskii Zheltovodskii Monastery, etc.) are not mentioned in the songs. There is also no mention, however, of such important places in Razin's life like his native village of Zimoveiskaia, the fortress called Kagalnitskii Gorodok, where he made his winter headquarters on the Don, or the town of Simbirsk, where he was defeated by the state troops. The study of the toponyms captured in the songs suggests that the folk tradition was constantly developing and reacted to the changes of geographical names (from Cherkassk to Starocherkassk; from the Yaik River to the Ural River; from Verkhne-Yaitsky Gorodok to Uralsk; from Nizhne-Yaitsky Gorodok to Guryev). This reaction indicates the tension of historical consciousness within the oral poetic tradition. On the other hand, the construction of historical space in the songs about Razin was influenced by the folk tradition. The songs not only inherited folklore formulas that arose long before the 17th century (the quiet Don, Father Don Ivanovich, glorious Cherkassk, Yaik Gorynych, etc.), but also firmly connected the life of the "thieves'" ataman with the fortress of Azov and the Sea of Azov, an important place for the Cossacks. The songs about Razin also have obvious ties with the poetry about Ermak Timofeevich, the conqueror of Siberia.

Keywords: historical songs, Stepan Razin, toponyms, the Don, the Yaik, the Caspian Sea, the Volga

DOI 10.31860/2712-7591-2022-3-18-41

Культура «бунташного» XVII века в трудах А. М. Панченко занимает центральное место. Литература этого столетия, в рамках которой формировалась фигура писателя-профессионала, скomorошество и юродство как знаковые феномены позднего Средневековья — всё это нашло место в работах ученого [Панченко 1973; 1984; 2000]. Мы собираемся остановиться на фольклорной стороне культуры данного столетия — на исторических песнях, посвященных Степану Разину.

О Степане Разине, в отличие от Ермака, другого исторического персонажа, типологически ему родственного, имеется достаточная документальная информация [Крестьянская война; Костомаров; Лунин; Сахаров; Чистякова, Соловьев и др.]. Весной 1667 г., собрав ватагу казаков, Степан Разин

(ок. 1630—1671), уроженец донской станицы Зимовейской¹, на стругах от Черкаска (столица Дона) поднялся вверх по Дону к месту сближения этой реки с Волгой («перволока») и перешел на Волгу, где ограбил караван русских купеческих судов. Летом 1667 г. разинцы были уже у Царицына, воевода которого предпочел от них откупиться. Далее Разин двинулся вниз по Волге мимо Черного Яра и Астрахани к устью реки, зашел в Каспийское море и, повернув на восток, достиг Яика, где взял Яицкий городок.

Весной и летом 1668 г. разбойная деятельность Разина разворачивалась за пределами России, на Каспийском море; в Фарабате (владения Персии) разинцы зазимовали. Следующей весной, 1669 г., они перешли на восточный («трухменский») берег Каспия, где произошло столкновение разинских стругов с персидским флотом.

В августе 1669 г. Разин вернулся в Россию, пришел в Астрахань, повинился перед властями за грабеж русских торговых судов и самовольный набег на каспийские земли, что, естественно, осложняло взаимоотношения Москвы с Персией. Четвертого сентября водным путем он направился на Дон, где, не желая находиться в подчинении атамана Корнилы Яковлева, выше Черкаска поставил для зимовки городок Кагальник (точное его местонахождение остается неизвестным). На Дону, таким образом, образовалось два центра: Черкасск с атаманом Корнилой Яковлевым и верными Москве казаками и Кагальницкий городок с казаками, предпочитавшими вольный образ жизни. Весной 1670 г., на Фомино воскресенье, Разин пришел в Черкасск, где в это время находился царский посол, с которым Разин вступил в конфликт и которого сбросил в реку.

Далее разинская вольница опять направилась на Волгу. Соединившись с ватагой Васьки Уса, разинцы взяли Царицын (ближайший к волго-донскому волоку крупный город), спустились к Астрахани и захватили ее. Оставив Ваську Уса в Астрахани, Разин пошел вверх по реке. Саратов и Самара присоединились к восставшим. Осада же Симбирска в сентябре 1670 г. оказалась неудачной. Разин был тяжело ранен и вывезен соратниками из-под Симбирска. Самара и Саратов Степана Разина не приняли, и верные атаману казаки отвезли его в Царицын.

Крестьянская война, которой разинские действия дали толчок на Волге, ширилась уже без его непосредственного участия. Восставшие захватили Саранск, Пензу, Наровчат, Нижний Ломов, Макарьевский Желтоводский

¹ Зимовейская станица поначалу стояла на правом берегу Дона, в среднем течении реки; после Октябрьской революции переименована в ст. Пугачевскую; в 1951 г. в связи с созданием Цимлянского водохранилища на Дону перенесена на левый берег реки.

монастырь и другие местности. Сам атаман вольницы зимой 1670 г. прибыл на Дон. Черкасск ему не дался, и Разин опять стал на зимовку в Кагальницкий городок. Здесь-то 14 апреля 1671 г. он и был схвачен верными царю казаками и выдан властям. Казнь Степана Разина состоялась 6 июня 1671 г. в Москве.

Карта действий разинских и правительственных войск²

Крестьянская война 1670–1671 гг. отразилась в большом круге исторических песен (18 сюжетов)³. Интерес фольклористики к разинскому циклу песен нашел место в исследованиях разного времени, сосредоточенных в основном на исторических комментариях к фольклорным текстам, а также на раскрытии их идеологического (социально-протестного) содержания [Миллер; Яковлев; Пиксанов; Лозанова; Соколова 1953; 1960; Шептаев 1958; 1961; 1963; 1966; 1967; Путилов; Акимова; Иванова 2020а и др.]. Мы же

² Карта заимствована из интернет-ресурсов (указаний на право собственности не имеет).

³ Наше исследование выполнено на основе академического издания [ИП XVII, № 158–357].

хотим остановиться на топонимике песен, позволяющей осветить глубину исторической памяти фольклорной культуры.

Укажем, что топография песен корреспондирует с подлинной биографией Разина, которая тесно связана с четырьмя водными пространствами: Доном, Яиком, Каспийским морем, Волгой.

1. Дон и Азовское пространство. Один из самых частотных топонимов (а вернее, гидронимов) в разинских песнях — это *Дон*, что вполне объяснимо: атаман родился и вырос на *Дону*; с *Дона* он направился на Каспий; на *Дону* перезимовал, перед тем как поднять восстание на Волге; на *Дон* вернулся после ранения; на *Дону* был схвачен и выдан Москве. *Дон*, хотя и не во всех вариантах, занимает важное место в сюжете «Разин и казачий круг» [ИП XVII, № 143–157]: Разин не ходит на казачий круг, а ходит в царев кабак, где решает с голытьбою идти на сине море грабить торговые корабли. Очевидно, эту песню можно рассматривать как пример перекодировки соответствующего сюжета из цикла песен о Ермаке [ИП XIII–XVI, № 328–355].

В песне «Разин и казачий круг» константной становится инициальная формула «У нас-то было, братцы, на *тихом Дону*» [ИП XVII, № 143, ст. 1; № 144, ст. 1; № 153, ст. 1]. Эпитет «*тихий Дон*» — и в зачине песни, и в ее повествовательной части — вполне ожидаем: он появился еще в песенной традиции XVI в. Равным образом ожидаема формула с родительской семьей реки («батюшка») и с антропонимическим именованием *Дона* (*Дон Иванович*):

Как у нас было на батюшке
На *тихом* на *Дону*,
Что на *тихом Дону* на *Иваныче*.

[ИП XVII, № 155, ст. 1–3]

Дон, таким образом, предстает отправной точкой биографии песенного Степана Разина. В сюжете «Разин и казачий круг» в связи с биографией Степана Разина называется и **Черкасск**. *Черкасский городок* впервые упомянут в документах в 1569 г. Городок, расположенный на правом берегу Дона (на 30 км выше современного Ростова-на-Дону), очень скоро стал донской столицей. В XVII в. *Черкасский городок* был вполне серьезной крепостью — обнесен деревянной, набитой землей стеной. *Черкасск* регулярно весной затопляло половодьем, поэтому в 1804 г. донской атаман М. И. Платов принял решение о переносе столицы на реку Аксай (правый приток Дона). Новый город назвали Новочеркасск, а *Черкасск* стали именовать Старочеркасском (с превращением города в станицу — Старочеркасская станица).

Черкасск в песнях о Степане Разине, родиной которого, повторим еще раз, считается станица Зимовейская, предстает прежде всего как родина Степана Разина. Песни на сюжет «Разин и казачий круг» могут начинаться стихами:

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
 На тихом Дону, во *Черкасском городу*,
 Породился удалой доброй молодец
 По имени Степан Разин Тимофеевич.
 [ИП XVII, № 143, ст. 1–4]

Топоним *Черкасск* получает в песнях эпитет «славный», подчеркивающий ценность города, что сохранилось в фольклорной памяти, несмотря на то что в начале XIX в. город (а потом — станица) уже не был донской столицей (см.: [ИП XVII, № 144, ст. 1–2; № 153, ст. 1–2; № 155, ст. 1–4]).

Таким образом, в области поэтики топонимы *Дон* и *Черкасск* песен о Степане Разине полностью опираются на поэтический континуум, выработанный песенной традицией XVI в.

Черкасск, без сомнения, в биографии реального Степана Разина занимал заметное место. Однако подчеркнем еще раз: в период восстания *Черкасск* так и не принял сторону восставших. Песня «Как у нас на *Дону*, на *Черкасском острове*» [ИП XVII, № 157] правдиво хозяином *Черкаска* рисует Корнилия Яковлева (Корнея Яковлевича): именно он, войсковой атаман, сидит на стуле под бунчуком (символ атаманской власти), а молодые казаки (по-видимому, примкнувшие к Степану Разину) его спрашивают, почему царь жалует князей и бояр, но не жалует казаков; Корней Яковлевич отвечает, что царь пожаловал его «чудным образом» (иконой), а казаков «свинцом, порохом» (метафорически — гибелью).

Черкасск, повторим еще раз, в исторической памяти казаков является безусловным ценностным локусом. Именно поэтому, в противовес реальной биографии Степана Разина, песня стремится как можно более прочно связать главу крестьянского восстания с этим городом. Укажем также, что Кагальницкий городок — реальный центр разинцев на Дону — в исторической памяти песенного фольклора места не нашел: городок ни разу не упомянут в песнях. Равным образом и станица Зимовейская в песнях не встречается. Историческая память песенного фольклора в области географии оказывается избирательной: она коррелирует не только с реальной биографией Степана Разина, но и, прежде всего, с локусами, культурно значимыми для Дона.

Отметим еще одну особенность исторической памяти в связи с донским пространством в песнях. В историко-песенном фольклоре в одном тексте могут сочетаться географические имена, отражающие разные временные пла-

сты. В единственном варианте сюжета «Разин и турецкий паша» [ИП XVII, № 355] *Черкасск* назван *Старочеркасском*, т. е. песня употребляет топоним, который появился только после 1804 г., когда был основан Новочеркасск: «Что у нас-та на *Дону*, в *Старочеркасском городе*, / Появился собака — прирожденная тумá» [ИП XVII, № 355, ст. 1–2]. Далее в песне рисуется путь от *Черкаска (Старочеркаска)* к *Азовскому морю*: «И кы полуночи Степан *Роговые* проплывал, / А на белой заре Степан по *Азовскому морю* гулял» [ИП XVII, № 355, ст. 4–5].

Если наличие в песне топонима *Старочеркасский городок* свидетельствует о реагировании песенной топонимической системы на изменения, которые в ней происходят в позднее время, то упоминание *Рогового*, напротив, демонстрирует глубину исторической памяти песенного фольклора. Локус *Роговое* на протяжении своего существования несколько раз менял свое название. В XVII в. на Дону существовал стан Кобяково, который был границей Московского царства и турецких владений. Здесь происходили необходимые контакты между двумя государствами (например, обмен посланиями). В XVIII в. этот локус чаще называли *Роговое* или *на Роговых* (рог — мыс в водном пространстве). В 1777 г. на мысе *Роговое* была поставлена церковь в честь Сретения, соответственно, разросшаяся к этому времени станица стала именоваться Сретенской. Позднее Сретенская станица слилась с соседней, Александровской, и локус стали называть Александровской станицей. В настоящее время это один из районов города Ростов-на-Дону. Как видим, из многочисленных топонимов для обозначения одного и того же локуса песня сохранила имя, отражающее природную мотивацию названия места.

Обратим внимание на то, что зачин песни «Разин и турецкий паша» свидетельствует о довольно негативном отношении устной традиции к Степану Разину: он назван «собакой» (в былинах «собакой» именуется враг Руси Калин-царь) и «тумой». Тума — полукровка, метис. Согласно одному из документов, матерью Степана Разина была пленная турчанка, ставшая женой казака Тимофея [Крестьянская война, т. 4, с. 400, примеч. 46]. Очевидно, что в лексеме 'тума', соположенной рядом с 'собака', заложены отрицательные коннотации. Те же указания на «неправильность» происхождения Разина мы находим и в одном из вариантов сюжета «Поход Разина на Яик» [ИП XVII, № 161]: здесь говорится, что родила Степанушку вдова, то есть женщина, нарушившая нормы поведения.

Напомним, что в фольклористике считается, что прозаический фольклор нередко отражает осудительную позицию народа по отношению к «воровскому» атаману (змеи сосут груди злодея Разина-еретика в пещере),

а песенная традиция, напротив, воспеваает деяния Разина. В отдельных песенных текстах, как мы видели, в латентном виде прочитывается осуждение Разина, хотя далеко и не последовательное.

В рассматриваемой песне «Разин и турецкий паша» называются *Азов-город* и *Азовское море*: Разин по Дону спускается в *Азовское море*, разбивает турецкие суда, атамана пленяют, приводят к турецкому паше, тот расспрашивает его о планах донских казаков и получает ответ:

«На Дону у нас говорить, что *Азов-город* хотять узять». —

«Ой, не дай Боже, Степаша, ума-разума придать,

Ума-разума придать,

Чтоб *Азов-город* узять».

[ИП XVII, № 355, ст. 12–15]

Противостояние казачьего *Черкаска* и турецкой крепости *Азов* было постоянной точкой напряжения между Москвой и Османской империей. В 1637 г., как известно, казаки совершили успешный набег на *Азов*, захватили его и удерживали город четыре года. Разин, как следует из документов, подумывал о походе на *Азов*. В мае 1670 г. (т. е. еще до решительного похода на Волгу) в Черкасске состоялся казачий круг, на котором ставился вопрос, куда идти разбойной ватаге. Назывались *Азов*, *Русь* и *Волга*: «...под *Озов* ли итить, и козаки де в кругу про то все умолчали (т. е. не одобрили этот маршрут криком «любо». — *Т. И.*) (...) на *Русь* ли им на бояр иттить, и они де „любо“ молвили небольшие люди. А в третьей де докладывали, что итить на *Волгу*, и они де про *Волгу* завопили...» [Крестьянская война. Т. 1, с. 162 («Отписка тамбовского воеводы Я. Хитрово в Разрядный приказ с расспросными речами площадного подьячего Д. Михайлова о прибытии С. Разина с войсками в Паншин и о его намерении идти на *Волгу*»)]. На *Азовскую крепость*, таким образом, Степан Разин никогда не ходил. Но обобщенная историческая память о взаимоотношениях казачьего *Дона* и турецкого *Азова* стала основой для создания песни о пленении Разина турецким пашой [ИП XVII, № 355] и о столкновении двух «удалых елынчат» (янычаров) под *Азовом-городом* со Степаном Разиным [ИП XVII, № 356; песня «Разин под *Азовом*»]. Полагаем, что в развитии этой темы разинский фольклор наследует традиции цикла о Ермаке (песни «Ермак и Ицламбер-мурза», «Ермак и турецкий султан», «Ермак просит выпустить его из неволи») [ИП XIII–XVI, № 370, 377–385, 386, 387].

К *Азовскому* пространству относится и *Кубань-река*, впадающая с стока в *Азовское море* (ныне Краснодарский край). В XVII в. эта территория еще не была освоена русскими людьми. Кубанские земли принадлежали Крымскому ханству, с которым Москва находилась в постоянной конфронта-

ции. Как и Крымское ханство, *Кубань* вошла в состав России только в 1783 г. Правобережье *Кубани* позднее стало местом формирования Черноморского казачьего войска (с 1792 г.), основой которого стала часть запорожских казаков. В 1860 г. Черноморское казачье войско было преобразовано в Кубанское казачье войско.

Для донских казаков, как свидетельствует песенная традиция, в XVII в. *Кубанское пространство* было чужим — территорией набегов «за зипунами». Это положение единожды отражено в одном из вариантов песни «Разин и казачий круг». На кругу казаки решают идти на *Кубань*:

Уж поедем мы за *Кубань-реку*.

Там живет орда богатая,

Там богатая.

Уж мы эту-то ордыночку

Выжгем ее, вырубим.

[ИП XVII, № 145, ст. 31–35]

Этот текст впервые опубликован в сборнике [Догадин, вып. 1, № 18]; записан в кубанских станицах Александровской и Александро-Невской. Обе эти станицы были основаны очень поздно — в 1870 и 1907 гг. соответственно. Песенный текст с *Кубанью* как «чужой» рекой демонстрирует глубину исторической памяти фольклорной традиции: в начале XX в. казаки еще помнили, что «своя» территория казачества когда-то была «чужой» ордой. Данный пример наглядно свидетельствует о глубоком историческом сознании русского народа.

2. Яик и яицкое пространство. В реальной биографии Степана Разина река **Яик** заняла важное место в 1667 г., когда казачья ватага захватила Яицкий городок. Астраханскому воеводе И. Хилкову 13 июня 1667 г. из приказа Казанского дворца пришла грамота, в которой сообщалось о планах Стеньки Разина: «...идут де они на море и хотят взять Яицкой городок и в нем засесть» [Крестьянская война, т. 1, с. 88 («Грамота из приказа Казанского дворца астраханскому воеводе И. Хилкову о попытке С. Разина идти к Азову, пребывании его в Паншине и о сборе к нему казаков»)]. Через месяц, 29 июля, в грамоте астраханскому воеводе говорилось о событиях 19 июля, когда верные царю служилые люди пришли в столкновение с разинской вольницей: «И у тех же служилых людей с воровскими казаки у Яицкого городка на Яике реке был бой, и те де воровские казаки, Стенька Разин со всем войском, вошли в Яицкой городок» [Крестьянская война, т. 1, с. 95 («Грамота из приказа Казанского дворца астраханскому воеводе И. Хилкову о взятии С. Разиным Яицкого городка»)].

Прочитывание яицкого пространства в историко-песенном фольклоре о Разине оказывается не столь прозрачным, как может показаться на первый взгляд. Первое обстоятельство связано с тем, что на *Яике* в XVII в. стояло два *Яицких городка*. Напомним также, что топонимика *Яика* подверглась переименованию в последней трети XVIII в. Река *Яик*, казаки которой через столетие после Степана Разина поддержали Емельяна Пугачева, после разгрома Пугачевского восстания по указу Екатерины II была переименована в реку *Урал* (соответственно, яицкие казаки стали называться уральскими).

Действия Разина были связаны с *Нижне-Яицким городком*, некогда расположенным непосредственно в устье реки (Каспийское море отступило, и сейчас город находится в 25 км выше по течению реки). В XIX в. этот локус назывался Гурьевом (городок был основан в 1640 г. русским купцом Гурием Назаровым, а в 1647–1648 гг. перешел под власть Яицкого казачьего войска). В настоящее время это территория Казахстана, город в 1991 г. переименован в Атырау. Выше по течению *Яика* находился еще один *Яицкий городок*, впервые поставленный в 1584 г. и возобновленный в 1613 г. После Пугачевского восстания этот город получил имя *Уральск* (ныне Казахстан).

Пространство *Яика* в разинских песнях представлено весьма скромно. Интересно то, что в песнях отразилась и старая (яицкая), и новая (уральская) система топонимов, т. е. одновременно мы можем отметить и глубину исторической памяти фольклорной традиции (память о старых географических названиях), и гибкость песен, реагирующих на новые реалии.

В одном из вариантов песни «Разин и казачий круг» атаман в казачьем кругу задает вопрос: «Да где же мы, братцы, зимовать будем: / На *Яикушке* или на восход пойдем?» [ИП XVII, № 151, ст. 14–15]. В теме выбора места для зимовки разинская песня в очередной раз наследует поэтические традиции Ермакова цикла (песня «Ермак в казачьем кругу»). Разинская песня имя реки *Яик* дает в уменьшительно-ласкательной форме, что в целом характерно для бытования топонимов в фольклорной традиции.

Может *Яик* в поэтическом языке получать и другие именованья. В песнях сюжета «Поход Разина на Яик» река именуется *Яик Горыныч*: «Ни свех было *Яика*, ни свех было *Горыныча* было самого, / Свех *Горыныча* было самого (...) Из устьяца там выбегали три стружка» [ИП XVII, № 158, ст. 5–10]. Обратим внимание, что разинские струги здесь, в соответствии с исторической правдой, появляются из устья реки. Эта же формула наличествует в варианте № 160: «*Яик*, ты наш *Яик* ли, сударь *Горынович Яик!* / Быстрее ты, *Яик* ли сударь, всех речушек течешь» [ИП XVII, № 160, ст. 1–2].

Яик (длина 2428 км) в основном своем течении река спокойная. Лишь на одном из участков (в 110 км от истоков) она прорезает горный хребет, в результате чего на реке появляются перекаты и небольшие пороги. Вряд ли природные особенности реки могли дать основание для самостоятельного сложения образа *Яика Горыныча*. Формула *Яик Горыныч*, по нашему мнению, была перенесена на имя этой реки из песен, связанных с северокавказской рекой Терекон («Терек Горыныч»). Терек, укажем, вошел в пространство русских исторических песен еще во времена Ивана Грозного (песня «Терские казаки и Иван Грозный») [ИП XIII—XVI, № 286—294].

Переименование реки *Яик* в XVIII в. отразилось в песне. Начальная строка «Течет *Яик* быстрехонько» [ИП XVII, № 158, ст. 1] в другом варианте трансформируется в запев с топонимом *Урал*:

Быстрехонько,
Течет *Уралушка*, *Урал* славная река.
А сверх того *Уралушки*, сверх-то *Горыныча*,
Сверх *Горыныча*
Бегли, выбегали астрахански три новы стружки.

[ИП XVII, № 159, ст. 1—5]

В последней строке этого варианта *Уралушка река* получает родительскую сему «батюшка», давно применяемую к топонимам и гидронимам в фольклорной (и шире — культурной) традиции.

Песни яицкой тематики знают топоним *Гурьев* (т. е. *Нижне-Яицкий городок*). Разин обращается к своим товарищам: «Уж вы гряньте-ка, ребята, ко городу *Гурьеву*, да ко *Гурьеву*» [ИП XVII, № 158, ст. 21]. *Гурьев* разинцы, попросившись помолиться в церковь (в соответствии с реальными событиями), и захватывают:

«Я приехал к вам не пить, не гулять,
Не баталище с вами заводить, а святым храмам поклониться,
Поклониться и молебен отслужить».
Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою.

[ИП XVII, № 158, ст. 28—31]

В одном из вариантов песни «Поход Разина на Яик» мы находим и явное указание на нынешний *Уральск* (*верхний Яицкий городок*). Песня описывает выдуманную ситуацию разговора разинцев с царем: разинцы винятся за свои разбойные походы и просят у царя *Яицкий городок*, который они якобы хотят основать. При этом в песне топографически точно описывается местоположение городка, находящегося в устье реки *Чаган* (правый приток *Урала*):

Ты пусти нас, батюшка, на *Яик-реку*,
Мы заведем на *реке Яике* славный *Яик-город*,
Заведем мы его между двух речушек:
При первой речке при *Яике* быстрым,
При другой речке при *Чагане тихиим*.

[ИП XVII, № 161, ст. 46–50]

Далее в данном варианте описывается:
Потом побывали они во городе *Гурьеве*,
Из *Гурьева* пошли они на матушку Волгу-реку,
С Волги-реки пошли они на *Узень-реку*,
С *Узень-реки* переправились за *Яик-реку*,
Прошли-то они, изошли всю орду азиатскую.

[ИП XVII, № 161, ст. 51–55]

Неизвестно, ходил ли описанным маршрутом когда-нибудь Степан Разин, но сам маршрут вполне правдоподобен. Из *Яицкого городка (Уральска)* по *Яику* можно спуститься к *Нижне-Яицкому городку (Гурьеву)*; оттуда Каспием пройти в Волгу и, поднявшись по реке в район саратовских степей, на левом берегу Волги можно попасть в местность, которая называется *Узени* (между реками Большой и Малый Узень, текущими в Камыш-Самарские болота и озера (ныне Казахстан)). От *Узений* по степям (Астраханская степь) известен путь на Яик, а, следовательно, и за Яик, т. е. в «орду азиатскую».

Топонимика песен с яицкими географическими названиями, таким образом, свидетельствует, что за ней стоит не только желаемая биографическая достоверность. Топонимы в историко-песенном фольклоре решают и более глобальную проблему — стремление представить освоенное (или точнее — осваиваемое) русское пространство. Вторая черта этого слоя разинских топонимов связана с реагированием песни на переименование локусов.

3. Каспийское пространство. *Каспийское море* в его северной части было знакомо Степану Разину, по крайней мере, со времени его перехода из устья Волги в Яик. Повторим еще раз: весной 1668 г. разинцы разбойным походом пошли на дагестанский (западный) берег моря, где пограбили города Дербент, Решт, Фарабат (Фарахабад). В Фарабате они зазимовали. Следующей весной, 1669 г., Разин перешел на восточный («трухменский») берег Каспия. Здесь произошло столкновение разинских стругов с персидским флотом; тогда-то, по одной из версий, он и полонил «персидскую княжну» — дочь Мамед (Мемед)-хана, ставшую героиней известного предания, воплощенного в стихотворении Д. Н. Садовникова, известного в качестве

популярной народной песни «Из-за острова на стрежень». К зиме 1669 г. Разин вернулся в Астрахань, а затем ушел на Дон, в Кагальницкий городок.

Каспийский поход Разина в песенном фольклоре в конкретике названия захваченных и пограбленных разинцами городов не отразился. Устная традиция не запомнила ни одного каспийского города, в котором побывал «воровской» атаман. Топоним *Каспийское море* зарегистрирован всего в четырех текстах, причем данный водоем обозначен только этим топонимом: подчеркнем, что разинские песни XVII в. не знают имени *Хвалынского море*, который известен и в былинах, и в песнях XVI в. Скорее всего, в момент создания разинских песен топоним *Хвалынского море* в них наличествовал, но со временем он заместился более поздним гидронимом *Каспийское море*. Названный топоним мы находим в двух вариантах сюжета «Разин и казацкий круг». На корабле, стоящем в *Каспийском море*, с золотым бунчуком в руках сидит Разин и размышляет, куда направиться со своей ватагой:

Как по морюшку, морю синему,
По тому *морю Каспицкому*
Бросил якорь воровской корабль.

[ИП XVII, № 150, ст. 1–3;
см. также: № 152, ст. 3–5]

Единственный вариант сюжета «Разин на Каспийском море» [ИП XVII, № 162] отражает окончание каспийского похода: разинский струг скован осенним льдом, атаман приказывает разбить лед и направиться в «тихие места»:

Тихохонько сине море становилося,
Ничем наше *Каспийское море* не шевельнулося,
Что осенним ледочком покрывалося <...>
«Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до *проточки Червонныя*,
Как до славного до *острова Кавалерского*».

[ИП XVII, № 162, ст. 1–14]

Топоним *Каспийское море* зафиксирован и в песне «Разин видит сон» — сон, предвещающий гибель атамана (упала с головы шапка):

Как по морю было, морю синему,
По тому *морю по Каспицкому*,
Супротив было *Орловых островов*,
Стоял на якоре воровской корабль.

[ИП XVII, № 349, ст. 1–4]

Топонимы *Червоная протока*, *Кавалерский остров*, *Орловы острова* — по-видимому, локусы, находящиеся в самых низовьях дельты Волги (напомним, что это самая разветвленная дельта в Европе). В одном из вариантов песни «Разин и казачий круг» употреблен термин ‘морцо’ — заливы в Волжской дельте: «Как на *морыще*, на взморыце / Стоял воровской корабль» [ИП XVII, № 151, ст. 1–2]. Один из самых известных местных заливов — Синее морцо. Протоки и острова в дельте Волги, без сомнения, служили разинцам базами, в которых собирались разные группы казаков, желавших присоединиться к атаману, где они готовились к походам, отдыхали после воровских набегов и делили награбленное.

Можно найти в разинских песнях и *Колыванский остров*. Разин обращается к морю и острову:

Спасибо те, спасибо морю синему всему!
 Еще же, братцы, спасибо *Колыванскому острову*.
 А и упито тут было, братцы, зеленого вина,
 Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
 Еще ж, братцы, уношено цветного платья.

[ИП XVII, № 160, ст. 14–18;
 сюжет «Поход Разина на Яик»]

Рискнем предположить, что *Колыванский остров* — это отголосок имени Кулалинского острова (Кулы, Кулалы), одного из группы Тюленьих островов в северо-восточной части *Каспийского моря*. Известно, что летом 1668 г. из Яицкого городка казаки, желавшие присоединиться к Разину, уже ушедшему с Яика, в поисках атамана направились на *Кулалинский остров*. Сюда для усмирения «воровской» ватаги были посланы стрельцы, состоялся бой, после которого стрельцы обратились к царю Алексею Михайловичу с челобитной о награде: «...съехали мы, холопи твои, тех воровских казаков на море на Кулалинском острове и учинили с ними бой, и на том бою нас, холопей твоих, те воровские казаки многих переранили» [Крестьянская война, т. 1, № 94, с. 125; см. также: № 96, с. 126; № 101, с. 130; № 106, с. 142–143; № 106, с. 150].

Возможное превращение в песенном языке *Кулалинского острова* в *Колыванский* обусловлено фольклорной традицией. Напомним, что в былинах есть герой по имени Самсон Колыванович, отчество которого исследователи связывают с древнерусским именованием Таллина (*Колывань*). Созвучие — *Кулалы / Колывань* и могло стать причиной появления в разинском цикле *Колыванского острова*.

Укажем, что каспийское пространство в песнях отражается в этнонимических именовании кораблей, пограбленных Разиным на *Каспийском море*. В одном из текстов сюжета «Поход Разина на Яик» атаман призывает товарищей:

Побежимте мы, ребяташки, в сине море,
Станемте, ребяташки, разбивать бусы-кораблики,
Татарские, армянские, все басурманские,
Без того только без сиза орла без государева.

[ИП XVII, № 161, ст. 20–23]

В данном варианте, в соответствии с реальностью, называются суда восточных народов (*армянские, татарские*), обобщенно (в соответствии с традицией) названные «басурманские». Русские государевы корабли, отмеченные «сизым орлом» (гербом), Разин грабить опасается.

Восточное пространство в разинских песнях обозначено как «орда *азиатская, киргизская, тухменская, кызылбацкая*» [ИП XVII, № 161, ст. 55–56]. В этом ряду имеются лексемы самого общего характера (*азиатская орда*). *Кызылбацкой стороной* в документах XVII в. называли Персию; *киргизская* и *тухменская* орда, очевидно, относятся к восточному берегу Каспия. В другой песне упоминаются *азиатская степь, степь киргизская* и некие *Рандырские горы* [ИП XVII, № 357, ст. 6–7; сюжет «Разин в киргизской степи»].

4. Волга и Волжское пространство. *Волга*, где разворачивались основные события Крестьянской войны в 1670 г., в разинских песнях занимает особо важное место. В сюжете «Разин и казачий круг» для разинцев, находящихся на Дону, *Волга*, в соответствии с исторической правдой, рисуется как цель разбойного похода: «Побываем мы, погуляем / На *Волге* широкой реке» [ИП XVII, № 144, ст. 28–29]. Через *Волгу* совершаются маршруты разинских походов, что обозначено в песне «Поход Разина на Яик» [ИП XVII, № 161, ст. 52]. *Волга* устойчиво встречается в самом популярном разинском сюжете «Сынок» [ИП XVII, № 163–294] в вопросе астраханского губернатора, желающего узнать, откуда родом «сынок».

В песне «Разин под Астраханью» [ИП XVII, № 295–310] *Волга* предстает абсолютно разинским пространством (пространством воли), по которому передвигаются струги атамана:

Вниз по матушке да по *Волге*,
Как на матушке да на *Волге*
Не черняночки чернеют,
Зачернелися на *Волге*
Легли (легки? — Т. И.) дубовы стружочки,

Забелелися на *Волге*

Тонки белы парусочки.

[ИП XVII, № 296, ст. 23–29;

см. также: № 297, ст. 19]

Ценность *Волги* в разинских песнях закреплена в родительской семье «матушка», устойчиво наличествующей во многих текстах (см. также варианты в форме «матя *Волга*» [ИП XVII, № 298, ст. 1], «на матке *Волге*» [ИП XVII, № 305, ст. 1]).

Заметим, что *Волга* воплощает не только тему воли и свободы, но и тему горя и печали. Так, в песне «Девушка горюет по Разину» атамана, в нарушение исторической правды, схватили на *Волге*: «Что поймали разбойничка на большой *Волге-реке*» [ИП XVII, № 353, ст. 29]. В другой песне — «Девушка оплакивает Разина» [ИП XVII, № 354] — птица бросает в *Волгу-матушку* руку Разина, по которой героиня и узнает о его гибели. Семантическое наполнение образа *Волги* в разинском фольклоре, таким образом, предстает многомерным.

Разинские песни демонстрируют хорошее знание волжского пространства. Песенный фольклор помнит о некоторых его географических особенностях. Так, в районе Саратова река четко делит пространство на нагорную сторону (правый берег) и луговую сторону (левый берег). Песня запечатлевает эту особенность: «Как по матушке, братцы, по *Волге*, / По *Нагорной стороне*» [ИП XVII, № 222, ст. 1–2].

Интересно, что разинский фольклор знает и термин '*Воложка*' — пространное название рукавов Волги, образующихся чаще всего после половодья. Так, «сын» Разина, находясь в тюрьме, «Ох, и из окошечка да все на *Воложку* / Да все поглядывает» [ИП XVII, № 209, ст. 31–32; см. также: № 278, ст. 11–12; № 213, ст. 24–25].

В песнях зафиксирован целый ряд волжских городов. Наиболее частотно встречается *Астрахань*, которую разинцы захватили в 1670 г. Этот город, без сомнения, является центральным в топографии разинского цикла. Согласно некоторым вариантам песни «Разин под Астраханью», целью речного похода вольницы является *Астрахань*: «Да ко полуночи, / Ребята, в *Астрахань-город* приплывайте» [ИП XVII, № 307, ст. 37–38]; «А ко утреней ко зорьке / В *Астрахань-город* поспевати» [ИП XVII, № 308, ст. 49–50].

В *Астрахани* происходят события еще одной песни — «Сынок»: удалый молодец гуляет по *Астрахани*, губернатор (воевода) требует его к себе на допрос, тот отвечает, что он «сын» Степана Разина («сын» — это разинский разведчик, лазутчик, посланный в город); молодца сажают в темницу; Разин призывает своих товарищей разобрать тюрьму по камешку:

А и гряньте, удалые, к *Астрахани*.
 А мы в *Астрахань* придем, и мы крепость разберем,
 Удалых молодчиков повыпустим,
 А любезного сыночка мы повыручим.

[ИП XVII, № 169, ст. 44–47]

Астраханское пространство обозначено в первых строках многих вариантов песни «Сынок»: «Во городе было во *Астрахани*» [ИП XVII, № 163, ст. 3]; «Как во городе во *Астрахани*» [ИП XVII, № 164, ст. 1; и др.]. Наличествует в песнях и форма *Астраханский городок (город)* [ИП XVII, № 238, ст. 1; № 240, ст. 6] и явно рудиментарная форма *царство Астраханское* [ИП XVII, № 292, ст. 5]. *Астраханское (татарское) ханство*, напомним, перестало быть для Московской Руси актуальным с 1556 г., когда Иван Грозный присоединил его к крепнущему Русскому государству. Город *Астрахань* нередко наделяется эпитетом «славный»: «Как во *славном* было городе во *Астрахани*» [ИП XVII, № 165, ст. 1; и др.]. Имеется у *Астрахани* и родительская сема «матушка» [ИП XVII, № 173, ст. 1].

Укажем на еще одну особенность текстов о «сынке». В некоторых текстах *Астрахань* сопрягается с *Саратовом*, который, подчеркнем, явно предстает как вторичный топоним в данном сюжете. Имена двух городов (*Астрахани* и *Саратова*) противопоставляются в конструкциях с отрицательным параллелизмом: «Не в *Саратове*-та было, / Было в *Астрахани*» [ИП XVII, № 273, ст. 1–2; см. также: № 287, ст. 29–30]. *Саратов* может сопоставляться с *Астраханью* («Ой, да не во городе было / Да во *Саратове*, / Ой, да не во городе было / Да на *Астрахани*» [ИП XVII, № 241, ст. 1–4]). В некоторых вариантах коллизия сюжета «Сынок» разворачивается не в *Астрахани*, а в *Саратове*, т. е. *Саратов* функционально заменяет собой изначальную *Астрахань*: «По *Саратову* детинушка погу... вот погуливает» [ИП XVII, № 214, ст. 4; № 271, ст. 1–2; № 276, ст. 1–3].

В единичных вариантах *Астрахань* функционально в песнях «Сынок» заменяется *Царицыном* («По городу по *Царицыну*» [ИП XVII, № 266, ст. 1]), что логически вполне объяснимо: как и Саратов, этот город был втянут в события крестьянской войны.

Астрахань, повторим еще раз, в реальных событиях крестьянской войны является безусловным примером успешных действий Разина. *Астрахань* — это территория восставших. Тем не менее этот город в песнях может представлять пространством опасным для Разина. То, что Разин остерегается *Астрахани*, прочитывается в следующих строках песни «Разин под Астраханью»:

Во полночь бы нам, ребята,
Астрахань-город проехать,
Никто бы нас не (у)видел,
Да никто бы нас не услышал.

[ИП XVII, № 305, ст. 20–23;

см. также: № 303, ст. 8; № 304, ст. 11]

Именно с этим городом в песни о Разине вторгается тема «женской измены». В сюжете «Разин под Астраханью» атаман, явно намекая на магическую заговоренность, предупреждает нападающих на него, что пушки и ружья его не возьмут. Опасна для него только *Астрахань*, где живет «девка Машка»:

Никого я, братцы, не страшуся,
Опричь *Астраханского городочку*,
В *Астраханском городочку*
Живет девка Машка.

[ИП XVII, № 296, ст. 39–42]

Причина опасности «девки Машки» раскрывается в варианте № 295: в результате хитрых действий «астраханской девки Машки» Разин схвачен в *Астрахани* и посажен в железную клетку. Однако наделенный магическими способностями атаман окатывается водой и освобождается из заключения — оказывается на *Волге*: «Он во клетке окатился / И на *Волге* очутился» [ИП XVII, № 295, ст. 44–45]. См. также № 298 (вариант с «девкой *Астраханкой*»).

Очевидно, что в данных версиях песни, где *Астрахань* предстает опасным для Разина городом, на глубинном мифопоэтическом уровне противопоставляются природное пространство (*Волга*), принадлежащее вольнице, и культурное (*Астрахань*), за которым стоят представители власти. Тема воли и неволи, таким образом, оказывается тесно связанной с системой топонимов.

Следует сказать, что песни эпохи Разина свидетельствуют о прочной памяти исторического фольклора о волжском пространстве, которое рисуется географически правильно. В одном из вариантов песни «Сынок» движение ватаги определяется вниз по течению *Волги* от *Саратова*: *Саратов—Царицын—Астрахань*:

Мы *Саратов-городочек* поутру мы прогребем,
А *Царицын-городочек* ввечеру мы прогребем,
В *Астраханскую губернию* ко белу свету поспеем.

[ИП XVII, № 172, ст. 39–41]

Подобная формула может начинаться и от *Нижнего Новгорода*, опять-таки правильно обозначая порядок городов:

Как со вечера нам, братцы, к *Нижню Новгороду* плиты,
 Как со полной ночью *Казань-город* миновати,
 А ко белому свету *Острохань-город* побити.

[ИП XVII, № 306, ст. 16–18]

Очевидно, что формула движения мимо волжских городов, причем движения скрытного, наследована разинским циклом от песен Ермакова круга (сюжеты «Поход голытьбы под Казань», «Разбойный поход на Волгу») [ИП XIII–XVI, № 308–317, 318–327]; см. нашу статью: [Иванова 2020b]).

Казань и *Нижний Новгород*, упомянутые в песнях, подчеркнем, в разинском восстании играли стороннюю роль (см. карту территории восстания, данную выше). *Казань* была ставкой князя Ю. А. Долгорукого, стоявшего во главе правительственных войск. В военных столкновениях под Симбирском воевода князь Юрий Барятинский сначала уходит в *Казань*, где пополняет свое войско, и потом вновь направляется к Симбирску, где наносит Разину сокрушительное поражение. Сам *Нижний Новгород* находился вне территории повстанцев, но Нижегородские земли были охвачены восстанием (особенно Арзамас).

Однако, без сомнения, и *Казань*, и *Нижний Новгород* были в планах Разина. *Казань* в одном из вариантов песни «Разин и казачий круг» называется целью похода Разина: «Мы пойдемте-ко, ребята, на святую Русь. / Мы *Казань-то городок* возьмем с вечера» [ИП XVII, № 146, ст. 13–14]. *Казань* же наличествует в варианте № 310, где разинская тема трансформируется к имени какого-то «вора» Гаврюшки: «Чтоб к заутрене нам, ребята, / В *Казань-город* поспеть» [ИП XVII, № 310, ст. 22–23].

Из волжских городов разинские песни знают город *Черный Яр* (расположен между Царицыном и Астраханью): «Нам бы *Астрахань-город* ополноче бы пробежати, / *Черноярской городочек* — что на утренней на зоре» [ИП XVII, № 303, ст. 8–9; см. также: № 304, ст. 11–12; № 299, ст. 46–47; № 300, ст. 28].

Обратим внимание, что волжское пространство (как и донское) рисуется в разинских песнях избирательно. Фольклорная традиция, с одной стороны, вбирает в себя топонимы, не связанные с биографией Разина (*Казань*, *Нижний Новгород*), а с другой — опускает такой драматически значимый для него локус, как *Симбирск*, взять который он так и не смог и где был ранен.

Укажем на два природных локуса, отраженных в разинском песенном фольклоре. Рискнем предположить, что в одном из вариантов песни «Сынок» скрывается память об одном из островов дельты *Волги* — **Четыре Бугра**: «Я с *Волги-матушки реки, / Со большого со бугра, Стеньки Разина сынок*» [ИП XVII, № 205, ст. 24–25]. Этот остров явно находился в сфере деятельности Разина. В августе 1668 г. астраханский воевода дает наказ стрелцкому сотнику Ивану Логинову следовать на стругах до *Четырех Бугров*, чтобы расспросить служилых караульщиков о продвижении разинской ватаги [Крестьянская война, т. 1, № 89, с. 122 («Наказная память из Астраханской наказной палаты стрелцкому сотнику И. Логинову»)]. По рассказам оказалось, что Разин побывал на *Четырех Буграх*: «...воровские казаки Стенька Разин с товарищи с учюгов пошли на взморье и, быв на Четырех Буграх, пошли на море, а с моря хотят идти для воровства и для хлебных запасов на Волгу» [Крестьянская война, т. 1, № 106, с. 140 («Выпись в приказе Казанского дворца по отпискам городских воевод о действиях отрядов С. Разина на Волге и Каспийском море»)].

Своеобразное место в разинском цикле занимают **Змиевы горы** — белые меловые возвышенности, находящиеся на правом берегу Волге в районе между Балаково и Саратовым:

Уж вы горы ли,
Вы мои горы,
Вы крутые мои
Горы Сиёвы,
И *Сиёвы* вы горы,
Горы Змиёвы!

[ИП XVII, № 296, ст. 1–6;
см. также № 297, ст. 1–2]

Этот природный локус дан в начале двух вариантов песни «Разин под Астраханью», причем локус относится не к Разину, а к его противникам: они обращаются к *Змиевым горам*, прося их позволить переночевать, чтобы дожидаться Разина и убить (расстрелять) его. Далее в песне рисуется картина разинских стругов, плывущих по *Волге*, а сам атаман, намекая на свою неуязвимость, заявляет нападающим: «Ваши пушечки меня не возьмут (возьмут. — *Т. И.*)» [ИП XVII, № 296, ст. 36]. *Змиевы горы*, заметим, оказываются локусом, опасным для Разина.

Волжское пространство, таким образом, в разинском песенном фольклоре предстает в природных и культурных локусах. Оно рисуется в основном

в рамках реальной биографии Степана Разина, но порой выходит за ее пределы (*Казань, Нижний Новгород*).

* * *

Как показал анализ песен, фольклорная традиция в основном исторически верно отражает пространство, в котором разворачивалась крестьянская война под руководством Степана Разина. Пространство это, подчеркнем, дано в преломлении к биографии «воровского» атамана. Те локусы, где восставшие действовали без Степана Разина (Саранск, Пенза, Наровчат, Нижний Ломов, Макарьевский Желтоводский монастырь и др.), в историко-песенном фольклоре места не нашли. Однако и в связи с биографией атамана называются отнюдь не все важные в его жизни локусы. Так, в устной традиции не упоминаются ни его родная станица Зимовейская, ни Кагальницкий городок, который он сделал своей зимней ставкой на Дону, ни Симбирск, под которым потерпел поражение от правительственных войск.

Отметим, что топонимы, запечатленные в песнях, позволяют сделать вывод о том, что фольклорная традиция находилась в постоянном развитии и реагировала на изменения в системе географических имен (Черкасск → Старочеркасск; река Яик → река Урал; Верхне-Яицкий городок → Уральск; Нижне-Яицкий городок → Гурьев). Такого рода процессы также свидетельствуют о напряженности исторического сознания внутри устно-поэтической традиции.

С другой стороны, в построении исторического пространства разинских песен большую роль играет предшествующая фольклорная традиция. Разинские песни не только наследуют фольклорные формулы, родившиеся задолго до XVII в. (*тихий Дон, батюшка Дон Иванович, славный Черкасск, Яик Горыныч* и пр.), но и прочно связывают биографию «воровского» атамана с Азовом и Азовским морем, которые занимали важное место в сознании казаков. Очевидны также связи разинского фольклора с поэзией о Ермаке Тимофеевиче [Шептаев 1966].

Литература

- Акимова — *Акимова Т. М.* Сюжетный состав народных песен о Степане Разине // Вопросы славянской филологии: К V Международному съезду славистов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963. С. 27–46.
- Догадин — *Былины и песни астраханских казаков / Собрал А. А. Догадин; под ред. Н. С. Кленовского.* Астрахань: Астраханск. казачье войско, 1911. Вып. 1. 112, [XVI] с.; Вып. 2. 96 с.

- Иванова 2020а — *Иванова Т. Г.* Трансформации былинного типического места «расспросы о роде-племени» в исторических песнях о Степане Разине // Русская литература. 2020. № 1. С. 5–20.
- Иванова 2020б — *Иванова Т. Г.* Два топоса в исторических песнях о Ермаке // Русская литература. 2020. № 4. С. 186–198.
- ИП XIII–XVI — Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 696 с.
- ИП XVII — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л.: Наука, 1966. 377 с.
- Костомаров — *Костомаров Н. И.* Бунт Стеньки Разина. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. 237 с.
- Крестьянская война — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док.: [в 4 т.] / Сост. Е. А. Швецова. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1. 324 с.; 1957. Т. 2, ч. 1. 665 с.; 1959. Т. 2, ч. 2. 242 с.; 1962. Т. 3. 491 с.; М.: Наука, 1976. Т. 4. 280 с.
- Лозанова — *Лозанова А. Н.* К библиографии о Степане Разине: Устно-поэтическое творчество о Степане Разине, историко-литературное изучение его. Исторические материалы, исследования, статьи // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1927. Т. 6, вып. 3. С. 279–289.
- Лунин — *Лунин Б. В.* Степан Разин: Краткий исторический очерк. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1971. 126 с.
- Миллер — *Миллер В. Ф.* Казацкие эпические песни XVI–XVII вв. // Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. М.; Л.: Гос. изд-во, 1924. Т. 3. С. 305–315.
- Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Панченко 1984 — *Панченко А. М.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с.
- Панченко 2000 — *Панченко А. М.* О русской истории и русской культуре. СПб.: Азбука, 2000. 462 с.
- Пиксанов — *Пиксанов Н. К.* Социально-политические судьбы песен о Степане Разине // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 54–65.
- Путилов — *Путилов Б. Н.* Текстологические заметки к песням разинского цикла // Русская народная поэзия. Горький: [б. и.], 1961. С. 94–115 (Фольклористические записки Горьковского ун-та; Вып. 1).
- Сахаров — *Сахаров А. Н.* Степан Разин (хроника XVII века). М.: Молодая гвардия, 1973. 319 с. (Жизнь замечательных людей).
- Соколова 1953 — *Соколова В. К.* Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева // Русские народное поэтическое творчество: Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 17–56 (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; Т. 20).
- Соколова 1960 — *Соколова В. К.* Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 330 с.
- Чистякова, Соловьев — *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М.: Мысль, 1988. 221 с.

- Шептаев 1958 — *Шептаев Л. С.* Песня о «сынке» Степана Разина // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958. Т. 170. Кафедра рус. лит. С. 253–274.
- Шептаев 1961 — *Шептаев Л. С.* Историко-бытовые черты в песнях разинского цикла // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 6. С. 287–304.
- Шептаев 1963 — *Шептаев Л. С.* Донские песни разинского цикла // Народная устная поэзия Дона: Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества (18–23 декабря 1961 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1963. С. 97–113.
- Шептаев 1966 — *Шептаев Л. С.* Песни разинского цикла и песни о Ермаке // Очерки по истории русской литературы. Л., 1966. С. 3–24 (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена; Т. 309).
- Шептаев 1967 — *Шептаев Л. С.* Песенный разинский цикл и исторические песни XVIII века // Историко-литературный сборник: Статьи и сообщения. Л., 1967. С. 3–24 (Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена; Т. 321).
- Яковлев — *Яковлев М. А.* Народное песнотворчество об атамане Степане Разине: (Из исторических песен XVII века). Л.: П. П. Сойкин, 1924. 168 с.

References

- Akimova, T. M. (1963). 'Syuzhetnyi sostav narodnykh pesen o Stepane Razine', in: *Voprosy slavianskoi filologii. K 5 Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 27–46.
- Alekseeva, O. B., Dobrovolskii, B. M., Emel'yanov, L. I., Korguzalov, V. V., Lozanova, A. N., Putilov, B. N., Sheptayev, L. S., eds. (1966). *Istoricheskie pesni 17 veka*. Moscow; Leningrad: Nauka, 377 p.
- Chistyakova, E. V., Solov'ev, V. M. (1988). *Stepan Razin i ego soratniki*. Moscow: Mysl', 221 p.
- Dogadin, A. A., ed. (1911). *Byliny i pesni astrakhanskikh kazakov*. Astrakhan: Astrakhanskoe kazach'e voisko. Vol. 1, 112, [XVI] p.; Vol. 2. 96 p.
- Ivanova, T. G. (2020). 'Transformatsii bylinnogo tipicheskogo mesta "rassprosy o rode-plemeni" v istoricheskoi pesne o Stepane Razine', *Russkaya literatura*, 1, 5–20.
- Ivanova, T. G. (2020). 'Dva toposa v istoricheskikh pesnyakh o Ermake', *Russkaya literatura*. 4, 186–198.
- Kostomarov, N. I. (1859). *Bunt Sten'ki Razina*. Saint-Petersburg: D. E. Kozhanchikov, 237 p.
- Lozanova, A. N. (1927). 'K bibliografii o Stepane Razine. Ustno-poeticheskoe tvorchestvo o Stepane Razine, istoriko-literaturnye izucheniye ego. Istoricheskiye materialy, issledovaniya, stat'i', in: *Uchenye zapiski Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. G. Chernyshevskogo*. Vol. 6, 3, 279–289.
- Lunin, B. V. (1971). *Stepan Razin: Kratkiy istoricheskii ocherk*. Rostov na Donu: Knizhnoe izdatel'stvo, 126 p.
- Miller, V. F. (1924). 'Kazatskie epicheskie pesni 16–17 vekov', in: Miller, V. F. *Ocherki russkoi narodnoi slovesnosti*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 3, 305–315.
- Panchenko, A. M. (1973). *Russkaya stikhotvornaya kul'tura 17 veka*. Leningrad: Nauka, 280 p.
- Panchenko, A. M. (1984). *Russkaya kull'tura v kanun Petrovskikh reform*. Leningrad: Nauka, 205 p.
- Panchenko, A. M. (2000). *O russkoi istorii i russkoi kul'ture*. Saint Petersburg: Azbuka, 462 p.

- Piksanov, N. K. (1926). 'Sotsial'no-politicheskie sud'by pesen o Stepane Razine', *Khudozhestvennyi fol'klor*, 1, 54–65.
- Putilov, B. N. (1961). 'Tekstologicheskie zametki k pesnyam razinskogo tsikla', in: *Russkaya narodnaya poeziya*. Gor'kii [s. n.], 94–115 (Fol'kloristicheskiye zapiski Gor'kovskogo universiteta; Vol. 1).
- Putilov, B. N., Dobrovolskii, B. M., eds. (1960). *Istoricheskie pesni 13–16 vekov*. Moscow; Leningrad: Nauka, 696 p.
- Sakharov, A. N. (1973). *Stepan Razin (khronika 17 veka)*. Moscow: Molodaya gvardiya, 319 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei).
- Sheptaev, L. S. (1958). 'Pesnya o "synke" Stepana Razina', in: *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena*. Vol. 170. Kafedra russkoi literatury, 253–274.
- Sheptaev, L. S. (1961). 'Istoriko-bytovyе cherty v pesnyakh razinskogo tsikla', in: *Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniya*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 6, 287–304.
- Sheptaev, L. S. (1963). 'Donskie pesni razinskogo tsikla', in: *Narodnaya ustnaya poeziya Dona: Materialy nauchnoi konferentsii po narodnomu tvorchestvu donskogo kazachestva* (18–23 dec. 1961). Rostov na Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 97–113.
- Sheptaev, L. S. (1966). 'Pesni razinskogo tsikla i pesni o Ermake', in: *Ocherki po istorii russkoi literatury*, 3–24 (Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena; Vol. 309).
- Sheptaev, L. S. (1967). 'Pesennyi razinskii tsikl i istoricheskie pesni 18 veka', in: *Istoriko-literaturnyi sbornik. Stat'i i soobshcheniya*, 3–24 (Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena; Vol. 321).
- Shvetsova E. A., ed. (1954–1976). *Krest'yanskaya voina pod predvoditel'stvom Stepana Razina: Sbornik dokumentov*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vols 1–4.
- Sokolova, V. K. (1953). 'Pesni i predaniya o krest'yanskikh vosstaniyakh Razina i Pugacheva', in: *Russkoe narodnoye poeticheskoye tvorchestvo. Materialy dlya izucheniya obshchestvenno-politicheskikh vozzrenii naroda*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 17–56 (Trudy Instituta etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya; Vol. 20).
- Sokolova, V. K. (1960). *Russkie istoricheskie pesni 16–18 vekov*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 330 p.
- Yakovlev, M. A. (1924). *Narodnoe pesnotvorchestvo ob atamane Stepane Razine (Iz istoricheskikh pesen 17 veka)*. Leningrad: P. P. Soikin, 168 p.